

Οἱ οἰκεῖοι правителей Эпирского царства в первой половине XIII в.

С.А. Денисов

Резюме: Статья посвящена изучению положения в обществе и функциям οἱ οἰκεῖοι (приближенных правителя). Данные аспекты рассматриваются на материале источников, относящихся к Эпирскому царству – независимому греческому государству, боровшемуся за восстановление Византии в период 1204-1261 гг. Исследование показало, что рассматриваемая группа состояла из представителей местной элиты, достигших высокого положения благодаря милости правителя и лично верных ему. Формирование данной группы в Эпире имело целью укрепление центральной власти и ослабление децентрализации царства.

Эпирское царство – независимое греческое государство, образованное на месте византийских провинций на западе Балканского полуострова, и возглавляемое представителями династии Ангелов с 1205 по 1318 гг. Появившись после взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г., Эпирское царство стало одним из активных участников в борьбе за восстановления Византии в период 1204-1261 гг. и главным соперником Никейской империи, считавшейся преемницей Византии, правителям которой удалось в итоге восстановить державу ромеев.

Используя дипломатию и военные кампании, эпирские правители, носившие патроним Дуки (Stiernon, 1959: 117-120; Polemis, 1968. P. 89-91; Nicol, 1984. P. 82), смогли в скором времени

присоединить к своим землям такие крупные области, как Фессалию, Фракию, Македонию, о. Корфу. В 1225 г. правитель царства Феодор I Дука (1215-1230) освободил от власти латинян Фессалонику, второй по величине византийский город после Константинополя, где принял в 1227 г. титул императора. Это стало открытым вызовом никейскому императору Иоанна III Дуки Ватаца (1225-1254), который считался преемником василевсов. Однако взять Константинополь Феодору I помешало поражение от войск болгарского царя Ивана II Асеня (1218-1241/1242). Несмотря на это, правители царства не отказались от претензий на титул императора. В 1250-х гг. Михаил II Дука (1237-1267) попытался вернуть владения, утраченные после поражения Феодора I и добиться освобождения Константинополя от власти латинян, однако потерпел поражение от войск никейского императора Михаила VIII Палеолога (1259-1281), ставшего позднее византийским императором.

Активное участие Эпирского царства в борьбе за освобождение византийских земель от власти латинян, претензии его правителей на титул императора, заставляют обратить внимание на модель внутреннего устройства, характерную для данного государства.

Одним из важнейших аспектов рассматриваемого устройства является положение и функции придворных правителя, *οἱ οἰκεῖοι*.

Большинство исследователей понимают под данным термином представителей аристократии, лично преданных императору (Verpeaux, 1965: 89-99, Ostrogorsky, 1971: 27-28; Magdaino, 1984: 92-105; Maksimović, 1988: 23; Kazdan, 1991: 1515; Prinzing, 2008: 663). Возможно, что данное положение было укреплено в XIII-XV вв. посредством принесения *οἱ οἰκεῖοι* клятвы верности (Maksimović, 1988: 23).

Применительно к Эпирскому царству данный вопрос остался малоизученным, несмотря на исчерпывающие работы Б. Ферьянчича и Г. Принцинга, посвященные административному устройству царства. В работах было рассмотрено положение отдельных представителей данной группы (Prinzing, 1983: 97-100; Ферьянчић, 1986: 131-175), однако о ее особенностях, роли в общественно-политическом устройстве, выводов сделано не было.

Исключение составляет работа Ф. Бреденкампа. Исследователь уточнил, на основании источников, относящихся к истории царства,

вывод Л. Максимовича. Если, по мнению Л. Максимовича, не существовало четкой границы между представителями аристократических родов, связанных с правящей династией и οἰκεῖοι (Maksimović, 1988: 23), то Ф. Бреденкамп провел данное разделение. Исследователь отметил, что в отличие от крупной земельной аристократии, представители этой группы знати не были связаны с правителем родственными узами: залогом их верности была клятва, приносимая императору (Bredenkamp, 1995: 189).

Учитывая положение в историографии, задачи по изучению указанной группы можно сформулировать следующим образом: 1) определение состава рассматриваемой группы в Эпире; 2) выяснение функций, которыми были наделены οἱ οἰκεῖοι; 3) на основании решения первых двух задач – определение значения, которым обладали представители рассматриваемой группы для социально-политической структуры царства.

Для решения поставленных задач нами был выбран просопографический анализ, представляющий собой способ характеристики социальных групп на основе исследования персонального статуса их представителей (Каждан, 1974; Breyer, Fassoulakos, Nicol, 1975: 38-45; Бартикян, 2003: 40-46).

Просопографический анализ был использован для изучения структуры эпирской элиты Б. Ферьянчичем, однако исследователь не рассматривал οἱ οἰκεῖοι как единую группу, не сопоставил данные, полученные на основании изучения ее отдельных представителей (Ферьянчић, 1986: 131-175). Это делает необходимым еще раз обратиться к просопографическому анализу указанной группы эпирской знати.

Сведения относительно обладателей эпитета «οἱ οἰκεῖοι» немногочисленны. Известно, что данным эпитетом назван Иоанн Плит, представитель знати Вереи. В одном из постановлений Димитрия Хоматиана он назван пансевастом севастом и придворным месадзоном Феодора I Дуки (Demetrii Chomatēni Ponemata, 2002: 164-165)¹, в другом – паниперсевастом и придворным

¹ «ὁ πανσεβάστος σεβαστός καί οἰκεῖος μεσάζων τοῦ κραταιοῦ καί ἁγίου ἡμῶν αὐθέντου μεγάλλου Κομνηνοῦ».

эпирского правителя (Ibid: 343)². В обоих случаях о нем говорится как об управляющем фемой Веррейи, на суд которого выносились споры между местными жителями. Для понимания положения в обществе, занимаемого Иоанном Плитом следует, как представляется ответить на вопрос: был ли Иоанн Плит прислан в качестве правителя фемы или выбран из среды местной знати. Ответ на него может дать еще одно постановление Охридского синода, в котором Иоанн Плит назван в числе «высокославнейших архонтов» (οἱ μεγαλοδοξότατοι ἄρχοντες), находившихся в подчинение дуки Веррейи (Ibid: 96). Кроме того, из другого постановления Димитрия Хоматиана известно, что в этом же городе жил еще один представитель рода Плитов – Константин Плит. Соответственно, перед нами представитель местной аристократии, добившийся некоторого карьерного роста (от чиновника, архонта, подчиненного дуке, до управляющего фемой). Причины, по которым Иоанн Плит смог добиться высокого положения кроются, на наш взгляд, не только в его личных достоинствах, но и в особом статусе фемы Веррейи, находившейся на севере царства в области Македонии, рядом с его северными границами. Население данной территории обладало определенной политической индифферентностью: ее жители часто подчинялись тому или иному правителю, стремясь сохранить свои владения. Видимо с тем, чтобы упрочить связь области с центральной властью между правящей династией Дук и семьей дуки Веррейи Василия Цамы был заключен брачный союз (Ibid). После смены правителя области данная связь была вновь установлена, однако на основе пожалования титулов и, вероятно, заключения клятвы верности, способствовавшей превращению представителя аристократии в субъект центральной власти (Ullman, 1974: 132-133). О том, что Феодор I знал о такой практике говорит его пребывание в Никее, где он принес клятву верности императору Феодору I Ласкарису (Georgii Acropolitae Opera: 14).

Другим представителем рассматриваемой группы выступает Николай Горянит, занимавший должность дуки фемы Ахелоя и

² «ὁ πανυπερσεβάστος καὶ οἰκεῖος τῷ κραταιῷ καὶ ἀγίῳ ἡμῶν βασιλεῖ».

являвшийся при этом приближенным Феодора I, о чем говорит примененный к нему Иоанном Апокавком эпитет «всепридворнейший» («ὁ πανοικειότατος») Феодора I Дуки (Pétridès, 1909: 14). Помимо гражданских обязанностей (исполнение решений правителя и суд), Николай Горянит участвовал также в военных походах правителя (Там же: 14-15), что было традиционной обязанностью придворных императора (Bredenkamp, 1995: 177; Cheynet: 23-24; Haldon: 94). Высокое положение Николая Горянита было подкреплено тем, что он являлся духовным сыном митрополита Навпакта (Pétridès, 1909: 4, 13-17). Кроме Николая Горянита, в эту группу входили также представители церковной администрации епископ Георгий Химара (Там же: 5-6) и епископ Ахелоя Евстафий (Там же: 18), а также аристократ Георгий Цимисхий (Там же: 6). О большом доверии Навпактского митрополита к Горяниту говорит тот факт, что дука фемы Ахелоя был назначен патроном монастыря Кремасту, расположенного недалеко от Навпакта (Angold, 1995: 229).

Кроме Николая Горянита, к рассматриваемой группе относился его брат, Никифор, занимавший, вероятно, должность логариаста, о чем говорит одно из писем к нему Иоанна Апокавка (Bees-Seferlis, 1976: 102, 117).

Известно еще два представителя рода Горянитов, которые жили в Эпире в первой половине XIII в. Это представитель духовенства Фессалии (известно только его родовое имя), назначенный епископом македонского города Серры при Феодоре I (Васильевский, 1896: 271), и также неизвестный представитель рода, занимавший должность в администрации в правление Михаила II Дуки в области Фессалии. При этом чиновник Горянит занимал достаточно высокое место – об этом говорит тот факт, что он был назначен Михаилом II для разбора судебного дела (Acta et diplomata, 1860: 86; PLP, Nr. 4319).

Приведенные сведения позволяют говорить о роде Горянитов как о семействе, положение которого в обществе определялось в первую очередь его службой в церковной и светской администрации: у них не было достаточных земельных владений для того, чтобы добиться более независимого положения, как представители крупных родов. Однако это не означает, что

Горянитов можно отнести к маловлиятельным семействам: мы видим, что они занимают ключевые должности («среднее звено») между верховной властью и населением территории. Получение Горянитом должности придворного позволяет, на наш взгляд, говорить о том, что в нем Феодор I своего представителя (как и Иоанна Плита) в среде местной элиты.

При характеристики положения рассматриваемых родов необходимо подчеркнуть, что ни Плиты, ни Горяниты не занимали в византийском обществе высокого положения и получили титулы и должности исключительно благодаря расположению Феодора I (Ферјанчић, 1986: 153, 165-166). Как представляется, можно говорить о том, что перед нами возвышение отдельных представителей местной элиты, добившихся особого расположения правителя и ставших его доверенными лицами.

По мнению А. Милиараки, при утверждении власти Мануила Дуки (1230-1237), преемника Феодора I Дуки, в Фессалонике значительную роль сыграли представители рода Пигонитов: Алексей и Константин (Miliaraki, 1898: 521). Однако автор не провел подробного изучения статуса, которым обладали данные аристократы. Со своей стороны хотелось бы отметить, что занимая высокие должности в центральной администрации (Алексей был дукой Фессалоники в 1230-е гг., а Константин (в 1220-е гг.) – Веррийи (Demetrii Chomateni Ponemata, 2002: 397-399) и не будучи связаны с правящей династией родственными узами, они, вероятно, относились к той же группе, что Иоанн Плит и Николай Горянит. Однако при этом возникают две трудности – с одной стороны о придворных титулах Пигонитов в период правления Мануила Дуки (как и в целом, о титулах периода 1230-1246 гг.) ничего неизвестно, потому сложно использовать в их отношении этот аспект как критерий выделения οἰκείοι. С другой стороны, сложно сказать, относился ли Константин Пигонит к знати Веррии. Известно, что он был назначен в этот город Феодором I управляющим, но при этом о его отношении с местной элитой почти ничего не говорится. Упоминается лишь, что он попытался использовать свое положение в личных целях, в частности, войти в связь с женой местного жителя Михаила Гунарополоса (Ibid: 397-398). В целом, регион, где жили представители семейства Пигонитов чрезвычайно широк: север

Балкан, о. Самос и Причерноморье. При этом на севере Балкан известен лишь один представитель – Никита Пигонит, дука Диррахия, правивший в начале XI в. Ближе к рассматриваемому периоду во второй половине XII в. на Балканах упоминается Алексей Пигонит, полный тезка брата Константина, назначенный дукой Фессалоники в 1180 г. (Каждан, 1974: 150; Kazhdan, 1991: 1617). Его тезка, Алексей Пигонит, как уже было отмечено был дукой Фессалоники в 1230-е гг. Приведенные данные позволяют определить, что Пигониты являлись к началу XII в. представителями фессалоникийской знати. Именно в таком качестве они могли выступить в качестве лиц, поддерживавших Мануила Дуку: необходимым условием становления власти нового правителя было утверждение его позиций в столице – Фессалонике. Данная поддержка была, скорее всего, обусловлена лояльным отношением Мануила к представителям данного семейства, когда он был назначен в 1220-е г. судьей для разбора спора между Михаилом Гунарополосом и Константином Пигонитом (Demetrii Chomateni *Ponemata*, 2002: 398). При этом назначение Мануила Дуки судьей в данном споре представляется не случайным: как мы уже отмечали брат Феодора I правил в Фессалии, области, расположенной рядом с Фессалоникой, и мог поддерживать положение Пигонита. При этом назначение Мануила Дуки для разбора данного дела сопровождалось выведением спора из юрисдикции епископа (Ibid), что позволяет рассматривать действия правителя как своего рода защиту чиновника, назначенного им. О том, насколько были сильны позиции рода Пигонитов в Фессалонике в период после утверждения власти Мануила Дуки, говорит порядок рассмотрения судебного дела, рассмотренное сначала в суде митрополита Иосифа, а затем – в суде дуки Алексея Пигонита, в который входили представители духовенства и аристократии (Ibid).

Каким было место данной группы в структуре политической элиты Эпирского царства?

Для ответа на этот вопрос необходимо предварительно отметить основные тенденции в развитие аристократии, как социальной группы в Византии в XII-XIII вв.

Данные тенденции сформировались в период правления династии Комнинов (1081-1185), когда политическая элита состояла из представителей нескольких крупных аристократических родов, объединенных родственными узами. Именно этим родам принадлежали должности в гражданской администрации и в войске. Формирование клана Комнинов обеспечило на продолжительное время политическую стабильность империи, однако в конце концов привело к ускорению развития центробежных сил, выразившихся в отделении от центральной власти областей под управлением представителей крупных родов (Каждан, 1974: 259-260; Литаврин, 1989: 32; Чеснокова, 2004: 193; Haldon, 2009: 192-193). Вместе с тем в конце XII в. происходило принятие высшей придворной титулатуры, бывшей до этого отличительным знаком клана Комнинов, провинциальной знатью (Каждан, 1974: 168-169; Каждан, 1976: 23).

В этих условиях росла роль тех представителей знати, которые могли бы поддержать центральную власть правителя. Вероятно, данное место заняли рассматриваемые нами οἰκεῖοι.

Сведения об этом содержатся в «Истории» Георгия Акрополита.

Прежде всего, это сообщение никейского историка о восстановлении власти Феодора I в Фессалонике. Георгий Акрополит сообщает, что после возвращения из болгарского плена в 1237 г. эпирский правитель смог восстановить власть, после того, как встретился в Фессалонике с верными ему людьми, которым он в период своего правления сделал много хорошего. О том, каким влиянием пользовались эти люди (вероятно, имеющие в своем составе οἰκεῖοι) говорит то, что с их помощью Феодору I удалось в скором времени восстановить власть, свергнув своего брата Мануила (Georgii Acropolitae Opera: 38). Схожий случай представляет собой восстановление власти Мануила Дуки, после его возвращения из Никеи, куда он был отправлен братом (Georgii Acropolitae Opera: 38). При этом обращает на себя внимание то, что с помощью своих сторонников Мануилу удалось восстановить власть над территорией Фессалии, где он правил до 1230 г., что говорит о влиянии его сторонников именно в данном регионе.

Как представляется, в обоих случаях речь идет о представителях местной элиты, которые поддерживая того или иного претендента на престол рассчитывали выразить свои интересы. Обращает на себя внимание тот факт, что в обоих случаях не упоминались представители крупной земельной аристократии: Петралифы и Малиасины. Возможно, что речь идет о семействах из среды местной элиты, не связанных родственными узами с правящей династией, таких как Иоанн Плит, Николай Горянит, и, возможно, Алексей и Константин Пигониты, получившие должности при дворе благодаря милости правителя и рассчитывавшие вернуть и упрочить свое положение. Возможно, придворные были связаны с правителем клятвой верности. Однако последнее утверждение является лишь предположением, которое основывается на двух известных положениях: 1) появление в среде аристократии XII в. представлений о личной верности императору, которая добавлялась к традиционной идее подданничества императору как помазаннику Божьему, владыке христиан (Каждан, 2000: 246-247); 2) существование практики принесения клятвы на верность в Никейской империи, подкрепляемое дальнейшим развитием идеи о личных отношениях аристократа подданного и императора (Жаворонков, 2003: 208-213).

Во всяком случае, точно можно сказать, что в среде местной элиты, не связанной родственными узами с правящей династией, существовали группы, представители которых были приближенными правителя и являлись его опорой. Их верность могла быть достигнута на основе их возвышения правителем, что под влиянием представления о личной верности императору, могло быть скреплено клятвой. При этом формирование из среды местной аристократии группы, представители которой были лично верны правителю, могло быть противовесом децентрализации, производимой со стороны крупной земельной знати³, Впрочем, возвышение местной аристократии, не связанной родственными узами с правящей династией также являлось проявлением процесса

³ Как это делали Петралифы, представитель которых перешел на сторону никейского императора Иоанна III Дуки Ватаца и передал ему область Южной Македонии, находившуюся под его властью (Georgii Acropolitae Opera: 49).

децентрализации, наблюдавшимся также и в предшествующий период. Однако при этом, если в XI-XII вв. присвоение титулатуры провинциальной знатью было проявлением центробежных сил, то в Эпирском царстве правитель стимулировал его дальнейшее развитие тем, что жаловал должности представителям местной элиты (так, пансеваст севаст Иоанн Плит был почтен должностью месадзона), чтобы тем самым получить поддержку. Данный процесс был двояким: с одной стороны, получая привилегии, местная знать проявляла верность правителю (как показывают рассмотренные случаи), с другой стороны, улучшение положения стимулировало движение к независимости от центральной власти. Таким образом, правитель становился своего рода предводителем местной знати и был связан с конкретным регионом (как в случае с Феодором I и Мануилом). Именно это, на наш взгляд, стало одной из основ для создания договора 1237 г., когда представители династии Дук разделили единое государство на несколько самостоятельных уделов, находившихся в управление Михаила II, Константина, Феодора I, Мануила.

Объединение провинциальной знати вокруг представителей правящей династии имело целью получить независимое положение для своей области. Сделать это без представителя правящей династией, относящегося к клану Комнинов и обладавшего потому легитимной властью (Чеснокова, 2004: 193), было невозможно. Об этом говорит ряд случаев, когда представители местной элиты самостоятельно возглавляли области, отделившиеся от Константинополя в начале XIII в. К ним относятся: Сгурь, Аспиеты, Мавроздомы. Однако, не имея возможности, вступить в союз с представителями более крупных семейств с тем, чтобы отстоять независимость, правители мелких государств были в скором времени отстранены от власти, их земли включены в состав Латинской Романии или Никейской империи. Немало падению данных областей способствовало то, что их правители не относились к правящей династии, что лишало их авторитета в глазах местного населения, как это произошло с Сенахеримом, наместником в феме Никополис. Обладая родственными связями с династией Мелиссинов, данный правитель представлял древний армянский род (Каждан, 1974: 150), но не относился к правящей династии. Это

стало решающим фактором, приведшим к тому, что, стремясь укрепить свою власть, как независимый правитель, Сенахирим столкнулся с противодействием местного населения. Противостояние закончилось убийством наместника (Hopf, 1867: 212; Радић, 1986: 257, 282). Таким образом, можно сказать, что у данных правителей не было достаточного «политического веса» с тем, чтобы отстаивать независимость своих земель. Поэтому их обращение к службе более влиятельным семействам выглядит вполне закономерно.

При характеристике положения рассматриваемой группы следует обратить также внимание на их дружеские связи с представителями высшего духовенства. Речь идет об отношениях между Николае Горянитом и Навпактским митрополитом Иоанном Апокавком и между Иоанном Плитом и Охридским архиепископом Димитрием Хоматианом.

Иоанна Апокавка и Николая Горянита объединяли личные связи: дук Ахелоя был духовным сыном митрополита. С ним Иоанн Апокавк обсуждал как вопросы духовной жизни (отношение к смерти (Pétridès, 1909: 4), так и вполне практические задачи: митрополит сообщал дуке о делах церкви (хозяйственные дела или назначение епископов (Там же: 14-15, 26, 31), обсуждал с ним решение судебных случаев (Там же: 22). Здоровье митрополита, важный вопрос, учитывая возраст архиерея, также становится темой для писем (Там же: 31). По предложению Горянита, Навпактский митрополит обратился к помощи врача (Пападопуло-Керамевс, 1913: 259). Есть сведения о дружеских отношениях Иоанна Апокавка и Никифора Горянита, брата Николая (Bees-Seferlis, 1976: 102).

Схожий случай установления дружеских связей представляют отношения между Иоанном Плитом, дукой фемы Веррии, и Димитрием Хоматианом (Дринов, 1894: 326). Однако в отличие от предшествующей переписки, письма Охридского архиепископа дуке фемы посвящены, в основном, обсуждению судебных случаев (Demetrii Chomateni Ponemata: 26-33, 112-117). Тем не менее в начале документов, архиепископ указывает на дружеские отношения с дукой фемы (Ibid: 26, 112). Именно в одном из таких писем содержится рассмотренное выше определение правителя области, как опоры закона и защитника вдов и сирот (Ibid: 112).

Таким образом, перед нами консолидация представителей двух групп: глав диоцезов и представителей местной элиты. Значение, которым обладала данная консолидация, позволяет раскрыть письмо Иоанн Апокавка к Николаю Горяниту сообщал в одном из писем о притеснениях со стороны Константина Дуки и просил о помощи (Pétridès, 1909: 14-16). Данная просьба была обусловлена, видимо, положением, которым обладал Николай Горянит как придворный правителя. При этом данное обращение было призвано ограничить рост власти Константина Дуки, брата правителя, притеснявшего митрополию, и, таким образом, уменьшить развитие центробежных сил в области. В связи с этим случаем несколько по-иному выглядит фраза Димитрия Хоматиана, обращенная к Иоанну Плиту о том, что дука фемы выступает, как «страж отеческих обычаев и государственного закона, защитник от творящих беззаконие, принимающий просящих и нуждающихся в помощи, заботящийся о сиротах и вдовах, которых раз и навсегда оставила способность избегать [врагов], одновременно нападающих на них, убежище гонимых более сильными... (Перевод мой - С.Д.)»⁴. Следует отметить, что в письмах к другим правителям фем Димитрий Хоматиан использует более обычные эпитеты «великославнейший», «наиславнейший» и др., соответствующие их положению (Ферјанчић, 1986:148-174). Безусловно, данная фраза связана с дружескими отношениями между архиереем и дукой фемы, однако заложенные в ней идейные доминанты позволяют предположить, что речь идет также о специфике роли οἰκεῖος. К указанным доминантам относятся: соблюдение баланса между местными обычаями и законом, защита от творящих беззаконие и от сильных, преследующих слабых, защитник вдов и сирот. Эти доминанты

⁴ «...φύλαξ τῶν πατριῶν ἐθνῶν καὶ τοῦ πολιτευμένου νόμου, προστάτης τῶν ἀδικομένων, ἀντιλήπτωρ καταπονουμένων καὶ δεομένων χειραγωγίας, κηδεμῶν ὀρφανῶν καὶ χηρῶν, ὧν καθάπαξ ἐκλέλοιπε τὸ δύνασθαι ἀποτρέπειν συνεπιτιθεμένους αὐτοῖς, καταφυγὴ τῶν διωκομένων ὑπὸ τῶν δυνατωτέρων, ζυγὸς δικαιοσύνης τῆς φυσικῆς, ἀποτροπὴ ἀδικίας, τιμωρία τῶν ἀτάκτων καὶ ἀπαιδευτῶν, φόβος ἀρμόδιον τῶν κακοποιῶν ἔπαινος εὐλογος τῶν ἀγαθοποιῶν». (Demetrii Chomateni Ponemata, 2002: 112)

сводятся к одному – поддержание сильной центральной власти на местах, залогом чего является баланс между законом и обычаем, а также препятствие усилению представителей местного населения за счет эксплуатации своих «сограждан». Таким образом, по нашему предположению, Иоанн Плит, так же как Николай Горянит, выступает как лицо, противостоящее усилению местных сил, как стимула для дальнейшего развития процесса децентрализации.

Консолидация представителей двух рассматриваемых групп, позволявшей им выступить центробежных тенденций, была в немалой степени обусловлена принадлежностью Иоанна Апокавка и Димитрия Хоматиана к аристократическим родам⁵. Ее цель заключалась в отстаивание собственных интересов ее представителями. Это объясняется тем, что данные группы не имели достаточных сил с тем, чтобы противостоять действиям представителей светской власти, представлявших в некоторых случаях правящую династию, таким как Константин Дука.

Подводя итог исследованию, можно сделать следующие выводы. Эпирские *οἱ οἰκεῖοι* являлись представителями местной знати (средними землевладельцами, жившими в городах), получившими титулы и должности (дук) по милости правителя и потому лично преданные ему. Отношения между правителем и представителями данной группы, вероятно, скреплялись клятвой верности.

Появление группы *οἱ οἰκεῖοι* было связано с процессом децентрализации Византии, происходившем в XI-XII вв., и выразившемся, помимо прочего, в появлении у провинциальной знати высшей придворной титулатуры, являвшейся ранее отличительным знаком клана Комнинов. Данный процесс, отражавший, как представляется, иерархию местной элиты, был использован династией Дук, утвердивших свою власть на западе Балканского полуострова после 1204 г. Эпирские правители, создавая новое государство, опирались на силы децентрализации, приближая к себе представителей местной элиты, жалуя им высокие

⁵ О роде Иоанна Апокавка см.: Ферјанчић, 1986: 148-149; о принадлежности Димитрия Хоматиана к аристократии см.: Demetrii Chomateni Ponemata, 2002: S. 4.

должности и приближая их к себе. Данное положение, безусловно, способствовало дальнейшему развитию процесса децентрализации в царстве, так как правитель постепенно становился лидером местной аристократии, добивавшейся более независимого положения. Вместе с тем появление рассматриваемой группы стало фактором, стабилизирующим внутреннее положение: являясь доверенными лицами императора в мирное время, и участвуя вместе с ним в походах, οἱ οἰκείοι стали опорой политики Дук, противовесом стремлениям крупной земельной аристократии к отделению. Укреплению положения, которым обладали представители рассматриваемой группы, во многом способствовали их дружеские отношения с главами диоцезов, имевшими значительный авторитет в глазах местного общества. Дружеские отношения стали основой для консолидации двух групп и их совместному отстаиванию интересов.

Библиография

- Бартикян Р.М. К византийской просопографии. Μοναστηριώται: Кто они? // Αντίδορον: Сборник статей к 75-летию Г.Г. Литаврина / Отв. ред. И.С. Чичуров. СПб.: Алетейя, 2003. С. 40-46
- Васильевский В.Г. Epirotica saeculi XIII // Византийский временник. 1896. Т. 3. С. 233-299.
- Дринов, Марин. О некоторых трудах Димитрия Хоматиана как историческом материале // Византийский временник. 1894. Т. 1. Вып. 2. С. 1-24
- Жаворонков П.И. Западные и восточные реалии в социально-политической и духовной жизни Никейской империи // Византия между Западом и Востоком: Опыт исторической характеристики / Под ред. Г.Г. Литаврина. СПб.: Алетейя, 1999. С. 207-219
- Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии XI-XII вв. М.: Наука, 1974
- Каждан А.П. Центробежные и центропритягательные силы в византийском мире (1081-1261) // XVe congrès international d'études

byzantines. Rapports et co-rapports. T. 1: Histoire. Athènes: K. Michalas, 1976. С. 1-28

Каждан А.П. Византийская культура (X-XII вв.). СПб.: Алетейя, 2000.

Литаврин Г.Г. Византийская империя во второй половине VII-XII вв. // Культура Византии. Вторая половина VII-XII вв. / Отв. ред. З.В. Удальцова, Г.Г. Литаврин. М.: Наука, 1989. С. 11-35

Пападопуло-Керамевс А.И. Noctes petropolitanae: Типография В.Ф. Киришбаума. СПб., 1913.

Радић Розвој. Обласни господари у Византији крајем XII и у првим деценијама XIII век // Зборник радова Византолошког Института. 1986. Т. 24-25. С.

Чеснокова Н.П. Византийская династическая идея эпохи Комнинов и Ангелов (конец XI-начало XIII в.) // Восточная Европа в древности и Средневековье. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2004. С. 189-198

Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. / Ed. Franciscus Miklosich et Iosephus Müller. Vindobonae, 1860. Vol. I. Acta patriarchatus Constantinopolitani. T. 1.

Angold, Michael. Church and Society in Byzantium under the Comneni 1081-1261. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke aus der Kanzlei des Johannes Apokaukos des Metropolitens von Naupaktos (in Aetolien) // Byzantinisch-Neugriechische Jahrbuch. 1976. Bd. 21. S. 1-243

Bredenkamp, Francois. The Byzantine Empire of Thessalonike (1224-1242). Thessalonike, 1995.

Breyer, Andre, Fassoulakos, Stephanos, Nicol, Donald M. A Byzantine family: the Gabrades // Bysantinoslavica. 36. 1975. P. 38-45

Cheyne Jean-Clod. Aristocracy and its inheritance // Cheynet J.-C. The Byzantine Aristocracy and its Military Function. L.: Variorum reprint, 2006. IV. P. 1-35

Demetrii Chomateni Ponemata diaphora / Rec. Günter Prinzing // Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 38. Berolini; Novi Eboraci: de Gruyter, 2002.

Georgii Acropolitae Opera / Rec. Alfred Heisenberg. Editio stereotypa editionis anni MCMIII corrector cum Peter Wirth. Stuttgart, 1979.

Haldon, John. Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565-1204. L.: UCL Press, 1999.

- Haldon, John. *Social Élites, Wealth and Power // A social history of Byzantium* / Ed. Haldon, John. Wiley-Blackwell: Blackwell Publishing Ltd, 2009. P. 168-211
- Hopf K. *Geschichte Griechenlands von Beginn des Mittelalters bis auf unsere Zeit // Allgemeine Encyclopädie / Erst. S. Escher, G. Gruber.* Leipzig: Brokhaus, 1867. Bd. 85. S. 210-297
- Kazhdan, Alexander P. *Oikeioi // Oxford dictionary of Byzantium* / Ed. Alexander P. Kazhdan, Alice-Mary Tallbot. Oxford: Oxford University Press, 1991. Vol. 3. P. 1515
- Kazhdan Alexander P. *Pegonites // Oxford dictionary of Byzantium* / Ed. Alexander P. Kazhdan, Alice-Mary Tallbot. Oxford: Oxford University Press, 1991. Vol. 3. P. 1617
- Magdalino, Paul. *The Byzantine aristocratic oikos // The Byzantine aristocracy IX to XIII centuries* / Ed. Michael Angold. Oxford: BAR, 1984. P. 92-105
- Maksimović, Ljubomir. *The Byzantine provincial administration under the Palaiologoi.* Amsterdam: Adolf M. Hakkert Publisher, 1988.
- Miliaraki, Antonio. *Ίστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ Δεσποτάτου τῆς Ἠπείρου 1204-1261.* Ἀθήνα: Εκδόσεις Κ. Κακουλίδη, 1898.
- Nicol, Donald M. *To the prosopography of the late Byzantium // The Byzantine aristocracy IX to XIII centuries* / Ed. Michael Angold. Oxford: BAR, 1984. P. 79-91
- Ostrogorsky, George. *Observations of the aristocracy in Byzantium // Dumbarton Oaks Papers.* 1971. Vol. 25. P. 1-33
- Pétridès, Sophrone. *Jean Apokaukos, letters et autre documents inédits // Известия Русского Археологического Императорского общества в Константинополе.* 1909. Т. XIV. Ч. 2. С. 1-32
- PLP - *Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit* / Ert. Ernst Trapp. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976–1996. Fasc. 1-12
- Polemis, Demetrios I. *The Doukai. A Contribution to the Byzantine prosopography.* L.: The Athlon Press, 1968.
- Prinzing, Günter. *Studien zur Provinz und Zentralverwaltung im Machtbereich der epirotischen Herrscher Michael I und Theodoros Dukas // Ἡπειρωτικά χρονικά.* 1983. №25. S. 73-120

Prinzing, Günter. Patronage and retinues // The Oxford Handbook of Byzantine studies / Ed. Elizabeth Jeffreys, John Haldon, Robin Cormack. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 663.

Stiernon, Lucien. Les origines du despotat d'Épire // Revue des études Byzantines. 1959. T. 17. P. 90-126

Verpeaux, Jean. Les oikeioi. Notes d'histoire institutionnelle et officielle // Revue des études Byzantines. 1965. Vol. 23. P. 89-99

Ullman, Walter. Principles of Government and Politics in the Middle Ages. L., New-York: Cornell University Press, 1974.